

Зелёный луч

повесть

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Калинин

Владимир Калинин

Зелёный луч

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Калинин В. В.

Зелёный луч / В. В. Калинин — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Повесть о Севере и о людях, живущих там, об одиночестве и его преодолении. Игорь - житель большого города, выпускник института, по распределению работает в Заполярье. Накануне отъезда в последнюю командировку на Север он знакомится с девушкой Людой. Начинается переписка с ней, в переписке этой ему видится связь с родным любимым городом. Переписка не получается. На Севере он знакомится с молодой женщиной Татьяной. С кем ему остаться? Содержит нецензурную брань.

© Калинин В. В., 2000

© ЛитРес: Самиздат, 2000

1

Поздно проснувшись, Игорь долго потом лежал в постели и думал. Мысли были всё привычные, дорожные: вот и опять дорога, опять расставание с родным городом и с родными. Он уже привык к своим разъездам и на своё пребывание дома смотрел как на нечто временное, зыбкое. То ли дело командировка: там определённая, размеренность, там работа. И на этот раз всё будет, как прежде, если не считать, что теперь он будет писать письма Людмиле и ждать писем от неё. Не очень верится, но вдруг из этого что-нибудь получится.

Полдня прошло в ожидании отъезда, почти бесполезно – какое дело начинать, когда впереди дорога! Сидел, перебирал книги, думал, какие взять с собой, звонил друзьям и знакомым.

Друзья. Два с половиной года прошли, как они расстались, а кажется, целая вечность прошла. Те, которые после института остались в городе, зарабатывали неважно, все их разговоры были об этом – слышаны были зато о хороших заработках на Севере. Первый их вопрос при встрече: «Машину купил?» – «Не хочу, от неё больше хлопот, чем благ». – «Ну так квартиру покупай!» – «Для кого?» – «Впрок. Когда-нибудь пригодится. Учти, квартиры дорожают...» Он уставал от этих разговоров: заработками недоволен, безденежье и жизнь в городе клянут, на словах готовы ехать куда угодно, но ни один из них не пожелал сменить место работы и отправиться на Север. И для родственников он стал чем-то вроде денежного туза. Не хотел ехать в аэропорт на такси – говорили: «Неужели на троллейбусе будешь трястись? Или на такси не заработал?!»

Несколько дней дома перед очередной командировкой были, как затянувшаяся точка или, лучше сказать, тягостное многоточие – конец одного предложения и знак того, что пора начинать новое. Он подсчитал, что таких «предложений», то есть служебных командировок, за три года работы молодым специалистом наберётся ровно пятнадцать штук, – большая их часть была уже позади, оставались последние две.

Уже вечером, поужинав, Игорь попрощался и расцеловал родных, взял вещи и поехал в аэропорт. Ехал на такси, через весь город. Каждый раз, проезжая так по улицам любимого города, он прощался с ним – грустно становилось. Только что хотелось уехать подальше от него, подальше от суеты и обилия людей на его улицах и площадях, и вот, уезжал от города и от людей – и грустно становилось и хотелось вернуться, остаться. Вокруг, по сторонам дороги светились разноцветные рекламы, ярко освещённые витрины и внутренности магазинов, по тротуарам тек бесконечный людской поток. Иные прохожие, на перекрёстках, где машина останавливалась перед красным светом светофора, любопытно заглядывали в окно, замечали на заднем сиденье его огромный рюкзак. Наверное, кто-то из молодых завидует мне, думал Игорь с горькой иронией, неужели есть такие. Наоборот, он завидовал, завидовал каждому прохожему, частице этого потока: вот бы выйти из машины и влиться в него, пусть даже малой, незаметной его частицей. Но зачем и чему завидовать, в следующий миг говорил он себе, ведь на днях и сам он проходил в этой толпе и по этим же улицам. И что, хорошо, неодинокое ему было? Нет, нехорошо, одиноко. Так о чём же жалеть? Не о чем. И потому лучше мимо, мимо, мимо, и скорее, скорее...

Людмила, Мила, милая... Неужели что-нибудь получится у них? Хотелось бы верить...

Их познакомила Вера Николаевна, давний друг их семьи, знавшая Игоря с детства. Она жила одиноко, была несколько старше его родителей, для неё все члены семьи в равной мере могли становиться и практически становились предметом нелюбимой критики. Она считала себя знатоком современной молодёжи, знатоком и её покровителем. Игорь бывал с нею порой более откровенен, чем с отцом и с матерью, поэтому она считала, что знает его лучше, чем они. Людмила заканчивала институт, Вера Николаевна была у неё руководителем преддипломной практики.

Вообще говоря, Игорь не любил знакомиться подобным образом, его угнетала некоторая заданность таких знакомств. То ли дело, когда «подкатываешь» так, запросто, в ресторане, на

танцах, на улице, когда сразу берёшь сильную ноту, и потом уже только вперёд. Освоив трактат Стендаля о любви, он считал, что для зарождения чувства необходим в виде акта восхищения первый сильный удар, что-то вроде шока. Уже потом пойдёт кристаллизация, оформление и упрочение чувства. А так, по знакомству – это для немощных. Но почему бы не попробовать? Чем чёрт не шутит? Вдруг? Он позвонил, и они договорились о встрече. Времени оставалось в обрез – встреча состоялась в день накануне его отъезда в командировку.

Полтора часа он водил девушку на ветру, под дождём. Заданность сковывала его, а скованность раздражала. На улице, как назло, хлестал дождь, ветер поминутно выворачивал наизнанку его зонт. Он же, вместо того чтобы посмеяться этому, ещё более раздражался. Что она могла найти, разглядеть в этом ужасно неловком, разумеется, страшно закомплексованном парне! Людмила пришла на встречу нарядная, в расклёшенных по моде и с вышивкой по низу брюках, и скоро туфли её и низ брюк промокли насквозь. Они хотели пойти в кино, но билетов уже не было, а ехать куда-то было уже поздно.

– Если я заболею, вы будете виновником моей болезни, – сказала девушка почти враждебно.

Эта фраза была одной из тех немногих, сказанных ею, которые он запомнил, – все силы и внимание его уходило на борьбу с ветром, дождём и тем проклятым зонтом. Наверное, он не удержался и рассказал ей о своём одиночестве, потому что, помнится, она возразила, что у неё-то, напротив, много друзей. Он попросил познакомить его с ними. Зачем? – последовал вопрос в упор. Он не нашёлся, что ответить.

При свете уличных фонарей Игорь пытался разглядеть лицо Людмилы, но видел только её профиль: чистый округлый лоб и чёлку светлых волос, небольшой прямой нос, тонкие чёрные брови и глаза, спрятанные за длинными ресницами. Потом, расставшись, он пытался соединить эти черты, чтобы увидеть её лицо целиком, но ничего не соединялось. Единственное, что ему виделось очень хорошо, очень живо, и о чём ему приятно было вспоминать, были капельки дождя на её лице, которого целиком он всё-таки не видел. И он закрывал глаза, поворачивал голову налево, так, как тогда, и, казалось, наяву видел девичий профиль и щеку с поблескивающими дождевыми каплями.

– Я не хочу, чтоб вы уходили, – сказал он, расставаясь, чувствуя, что ему не удаётся её удержать.

– Я и не приходила.

– Да, это так, – помедлив, согласился он. – Тогда я хочу, чтобы вы пришли и не уходили. Я напишу вам.

– Пишите, – сказала девушка почти равнодушно.

2

Игорь сидел в гостинице маленького северного городка и писал письмо Людмиле.

«Я не сразу нашёл нужный тон письма, собственно, ту форму, которая, обходясь без абстрактных понятий, не затруднила бы ваш ответ мне. И когда нашёл эту форму, был тому очень рад. Свою находку я сделал, уже прилетев в Заполярье, на пути из аэропорта. Я решил просто рассказать вам свой вчерашний день – что делал, что видел, с кем говорил в этот день».

Он поднял голову и посмотрел в окно. Гостиничный номер был невелик, окно занимало почти целиком одну из его стен. Картина, открывавшаяся из него, нравилась ему настолько, что он готов был часами любоваться ею. Большую её часть занимало небо, из окна пятого этажа можно было без помех проникаться его огромностью. За время работы и жизни на Севере он успел увидеть небо из этих окон во все времена года, при самых разных погодных условиях, при самом разном освещении.

Слева, справа и снизу, словно рамой, картина была ограничена стенами жилых домов и крышей местной средней школы, так что в центре, вторым после неба важнейшим элементом картины являлось море, морской залив. Днём и ночью по нему шли корабли: налево – в устье

залива, в большой торговый порт, направо – на выход из него, в море. Залив был длинный, километров сто длиной, но лишь двух-трёх километров шириной, на языке соседей-скандинавов его следовало бы называть фьордом; противоположный берег залива, различимый достаточно хорошо, казался необжитым и диким: только сопки, сейчас, зимой запорошенные снегом, и темнеющие лесом долины между ними. Солнце садилось каждый день на том берегу. На долгие два месяца полярной ночи, ввергая подлунный мир до времени в спячку, исчезало там же, а полярным днём, словно недвижимой раскалённой сковородой зависая над тем же берегом, слепя усталые глаза, так же долго не давало уснуть далеко за полночь.

Оттуда же, с того самого берега пришёл однажды тот редкостный луч зелёного цвета, зелёный луч. Игорь хорошо помнил, как это было. Тогда был закат, конец длинного весеннего дня, солнце уходило за сопки и в самый последний момент, от солнечного шара не осталось уже ничего, почти ничего, на долю секунды послало его, тот незабываемый, необыкновенно чистый, чудного изумрудного цвета фантастический луч...

Писать о прошедших событиях было легко, и Игорь подробно рассказал, как он встал с постели в день отъезда, как собирался в дорогу и прощался с родными, как ехал в аэропорт, как встретился там с бывшим однокурсником по институту и нынешним сослуживцем Вадиком Уткиным, о чём они говорили в полёте и на земле.

«И вот, я здесь. У вас дождливая поздняя осень, а у нас, на Севере уже давно зима. Я так давно и постоянно живу здесь, что даже шофёру такси, увозившему меня в аэропорт, сказал эту фразу: «У вас осень...» И тут же поправился: «У нас – ведь я еду из дому!» Он, наверное, ничего не понял. Я и сам не могу понять, где более мой дом. Во всяком случае, сюда я еду, как домой, и это приятно мне. Мне приятно, что Заполярье, место на земле для многих дикое и мало приспособленное для жизни, уже два с половиной года мой дом, дом, в котором я живу и тружусь. С тем большим удовлетворением думаю я об этом, что множество людей, в том числе, моих знакомых, видят в Заполярье гибель для человека. Я думаю, это не так. Просто нет у людей силы противостоять привезённым с собой привычкам и слабостям, и, не желая признать своё поражение перед ними, они ссылаются на суровость здешних природных условий или на злую силу традиций».

3

Игорь отправил письмо и стал ждать ответа. Родные писали ему на гостиницу, а девушку он попросил писать до востребования. В первое время он подавал паспорт служащим почты, не испытывая большого волнения. Не то, чтоб был уверен в ответе, скорее, наоборот: не слишком надеялся на него. Письма не было. Вначале посещения почты были от случая к случаю, потом стали ежедневными – видно, приближающаяся полярная ночь таким странным образом давала о себе знать. Чтобы увеличить вероятность положительного ответа, Игорь изменил тактику: стал ходить через день и даже через два, хотя это и стоило ему немалых усилий. Письма всё не было. Иной раз, поздно вечером, не утерпев, он срывался с места и отправлялся на почту: какой-то внутренний голос говорил ему, что именно сегодня письмо будет.

На улице, возле ресторана при гостинице и возле кафе «Волна», помешавшегося в маленьком, похожем на сарай дощатом строении, толпился разбитной, подвыпивший народ, в основном, известная Игорю по гостинице командированная публика. Были в малом числе и местные кадры. За два года он узнал, во всяком случае, в лицо, чуть не всё население городка, местное и командированное. С некоторыми был знаком коротко: по работе или по гостиничному номеру, где вместе прожит был не один месяц. Иных он знал только по именам, зато о других, не зная даже их имён, был хорошо наслышан, вплоть до самой подноготной. Разумеется, прежде всего это касалось персонала гостиницы и ресторана, той, исключительно женской части населения городка, которая находилась в непосредственном контакте с приезжими.

Не без гордости сообщалось ему, что в городе этом был самый высокий по стране процент красивых женщин, и объяснялось это тем фактом, что многие жёны здесь были привоз-

ные, в основном, с юга, оттуда, куда моряки ездят летом в отпуск. В то время как мужское население городка занималось своим тяжёлым и часто весьма опасным мужским трудом, женщины заняты были преимущественно в сфере услуг: в столовых, ресторанах и магазинах, в гостинице и общежитиях, в больнице и на той же почте. Многие замужние могли не работать – хорошо зарабатывали их мужья, и многие, действительно, не работали, всецело посвящая себя семейным заботам. Между ними, предоставленными самим себе, и теми, кому работать приходилось, существовала неприязнь и даже порой откровенная вражда.

На всех женщин работы, по-видимому, не хватало: повсюду можно было встретить тех, кто случайно, вынужденно, без специального образования оказался на данном рабочем месте, по необходимости, без всякого интереса исполнял ту или иную, подчас малопрестижную работу. Приходилось Игорю видеть за работой иную уборщицу с ведром, тряпкой и шваброй, разодетую так пышно, словно собралась она в ресторан, – это чтоб не подумали, будто из простых каких-нибудь, полагал он. Продавщицы в продуктовых магазинах, взвесив кусок масла или колбасы, вручали покупателю кое-как, комом завёрнутую покупку. У Игоря, привыкшего в родном городе к более профессиональному обслуживанию, такой непрофессионализм, ещё более, демонстративное неуважение к покупателю вызывал поначалу раздражение и протест, позже пришлось к этому привыкнуть.

Были и замужние, но большинство работающих в гостинице женщин были одинокими, те и другие с непростой, часто трудной судьбой; работа, то есть часы, которые они проводили на людях, была для них возможностью как-то разнообразить и, в случае удачи, изменить к лучшему свою жизнь. Сколько душевных разговоров было за столиком дежурных по этажу, в поздний час, когда город и гостиница спят, и так уютно, совсем по-домашнему светит настольная лампа! Сколько рассказано и выслушано здесь житейских историй! – не только из чужой жизни, хотя о своей жизни говорить всего трудней.

Приходилось поневоле слушать их разговоры по телефону. Говорилось много, о чём-то не таясь, на что-то прозрачно намекая: о достатке в семье и о добропорядочности уклада семейной жизни, о верности и покладистости мужа, если он был, о послушных детях, если они были, о полезных связях и знакомствах, об умении говорить и умении «отшивать» мужчин, о довольстве жизнью и собой. Иногда они пытались умничать, особенно, когда им звонили мужчины, – знали ведь, что их слышат и постояльцы, и хотели показать себя в выгодном свете. Понятно, в маленьком городке люди привыкли жить на виду, привыкли, что каждый заглядывает в твои окна, и в качестве защиты усвоили привычку самим обнаруживать себя – чтобы, сообщив любопытным о внешней стороне собственной жизни, отбить у них охоту знать больше.

Почта находилась в верхней части города, на верху сопки, и когда Игорь шёл туда, он должен был каждый раз подниматься на ту сопку по трапу, длинной, с множеством маршей деревянной лестнице. Зимой, в сильный снегопад или гололёд ходить по ней можно было, лишь держась за поручни. Зато какая захватывающая дух панорама сурового и прекрасного северного края открывалась сверху!

Не задерживаясь на жалких, называвшихся почему-то «финскими», бараках, лепившихся по склону сопки, и поверх крыш недавно выстроенных высотных жилых домов, взгляд устремлялся вдаль, на воды залива, которые в зависимости от освещения бывали то голубыми, то синими, то цвета белого олова, то цвета сизого свинца. Берега залива были изрезаны многочисленными бухтами, в глубине которых стояли корабли. Взгляд стремился отсюда дальше, туда, где, делая крутое колено, залив исчезал из виду, теряясь за прибрежными сопками, и ещё дальше, где он вновь оказывался в поле зрения и где его спокойные гладкие воды соединялись с бурливыми морскими водами, где свинцовое, покрытое тяжёлыми тучами небо смыкалось с холодной и безжизненной землёй.

Игорь поднимался наверх, а вдогонку ему со стадиона в центре города, где зимой заливался каток, неслись обрывки весёлых танцевальных мелодий. Прежде чем догнать его, они металась между высотными домами, испытывая многократные отражения, эти последние, взаимно заглушая и искажая, накладывались друг на друга. Получалась музыка, словно отражённая в кривом зеркале, музыкальная вакханалия, музыка, разъятая на фрагменты, где каждый кривлялся, как мог, соревнуясь с другими длительностью своего существования. Мороз к вечеру усиливался, холодный туман сгущался. Над городом уныло плыли однообразные трубные звуки ревуна – они извещали, что плавание судов по заливу по причине плохой видимости прекращено и что морской порт закрыт.

Мимо Игоря, с окраин вниз, в центр города устремлялся поток подвыпивших парней и мужчин, молоденьких девушек и женщин. У бегущих лихорадочно блестели глаза.

– Танька, пойдём выпьем! – звал один мужской голос.

– Денег нет. Чего пристал! – Женский голос был сиплый, возможно, простуженный, и хотя принадлежал относительно молодой женщине, напоминал, скорее, старушечий: мысль приходила, что и женщина та была так же изношена, как её голос.

– А ты у себя в бюстгальтере поищи, на сладенькое-то! – не унимался мужчина. – Небось, и самой выпить хотца?

– Бросила я. Отстань!

– Бросим пить – будем денежки копить! – подхватывал слово хор звонких и весёлых девчоночьих голосов.

«Север-Север, кто тебя выдумал!» – много раз, особенно часто от одиноких женщин, Игорь слышал здесь эту расхожую фразу, риторический крик души, частенько и сам повторял её. Конечно, не людьми он был выдуман, этот суровый Север, и значит, не в их власти, не с их слабыми силами было изменить что-то в собственной судьбе, и оставалось только безвольно, покорно смириться с ней и жить так, как живётся.

Север-Север, думалось ему, ты точно пустынь какая, край света, куда, повинувшись центробежной силе, свободные по несчастью или по собственной воле от забот и связей, бегут люди, бегут и здесь остаются, оседают. Засасывает Север, сетуют потом многие, трудно от него оторваться. Конечно, к деньгам привыкают: «Мы себе ни в чём не отказываем», – хвалятся тут повсюду, словно в пику якобы счастливым, а на деле обделённым обитателям более южных регионов страны. Но есть, должно быть ещё что-то, кроме денег, что держит, не отпускает, заставляет вновь и вновь возвращаться сюда. Об этом почти мистическом «нечто» тоже любят говорить приезжим многие местные, не умея или не желая назвать сам предмет по имени, – говорят как о тайне, которая открывается только посвящённым, живущим здесь, тайне, которая объединяет северян в некое сообщество избранных.

Поднявшись наверх, Игорь оглядывался назад: город внизу тонул в белесом холодном тумане, его тусклые огни были едва видны отсюда.

«Только бы написала! Только бы написала! – словно заклинание произносил он про себя, вступая в здание почты, и машинально, чтоб не стучала, придерживал тяжёлую, на жёсткой пружине и не снабжённую никаким мягким уплотнением входную дверь. – Только бы взять в руки конверт и замереть в сладком ожидании: неважно, что будет в том письме, важно, что там будут строчки для него...»

Письма опять не было. Покидая помещение почты, он не всякий раз придерживал дверь, иной раз умышленно отпускал её – дверь за его спиной оглушительно захлопывалась. «Может, когда-нибудь их, наконец, достанет и они сделают нормальную дверь! – думал он с раздражением и злостью о работниках почты. – Сидят там клуши толстозадые...»

Медленно шёл он назад, вниз по трапу. Север-Север, неужели и ему суждено остаться здесь навсегда со своим одиночеством и тоской. Страшно подумать, до чего он дойдёт, во что обратится, оставшись один. Он хочет быть добрым, он так хочет быть добрым, хотя бы ради

собственного здоровья, и знает, что в одиночестве злоба и злость будут всё чаще брать над ним верх, – одному богу известно, что из этого, в конце концов, получится.

4

Соседом Игоря по двухместному номеру был на этот раз Вадик Уткин, тот самый Вадик Уткин, с которым Игорь летел в командировку и о котором вкратце рассказал в письме Людмиле. Два с половиной года назад они были единственные из их выпуска, распределившиеся после института молодыми специалистами в наладочную организацию для работы на Севере. Первые месяцы, работая хотя на разных объектах, они прожили вместе в одном гостиничном номере. В институте они не были дружны, на Севере же быстро сошлись: каждый видел в товарище часть оставленного позади милого вольного студенчества. Обоих объединяло традиционно снисходительное, несколько свысока отношение недавних выпускников к сослуживцам, или давно закончившим вуз, или, во многих случаях, не кончавшим его вовсе. Вечера проходили в воспоминаниях о преподавателях, об общих товарищах и знакомых по институту, в откровенном обсуждении нынешних начальников и товарищей по работе. Это скрасило им начальный, самый трудный период адаптации к новым условиям.

Оба приехали на Север с твёрдым намерением оставаться здесь не более трёх обязательных лет. Этот срок заканчивался через пять месяцев, в следующем марте, поэтому тема, которая в настоящий момент горячо обсуждалась их коллегами по работе, никак их не задевала. Речь шла о возможности заключения нового договора с организацией-работодателем, фирмой, как её называли все работавшие в ней. По этому договору сотрудники фирмы обязались по меньшей мере три года безвыездно отработать на Севере, тем самым приравнивались на этот срок к местным жителям и получали, как и они, надбавку к заработной плате в размере так называемого полярного коэффициента. Командировки, то есть служебные поездки из места постоянной прописки, однако, упразднились, вместе с ними и командировочные: дорожные расходы и суточные. На свидания с родными съездить можно было только раз в году в отпуск. Уже многие сотрудники, товарищи Игоря и Вадика, заключили такие договоры, убеждали и их последовать этому примеру, доказывая массу преимуществ своего нового положения. Молодые люди отказывались. Игорь видел в этом договоре одну лишь цепь, цепь, которой позволит ещё крепче и, казалось ему, безвозвратно приковать себя к Северу, ещё дальше удалит от родного города и теперя от Людмилы. У Вадика были свои планы на будущее.

Он был высокий стройный блондин. На лице его прежде всего бросались в глаза постоянно пунцовые щёки и полные яркокрасные губы. Улыбка у него была весьма приятная, обнажавшая ряд ровных белых зубов, по непонятной причине не исчезал, правда, постоянный неприятный запах изо рта, но он ощущался только вблизи. Из-под покатога лба с начинающимися залысинами смотрели большие, чуть навывкате голубые глаза. На девушек и молодых женщин Вадик мог смотреть подолгу и не мигая; что-то от взгляда удава находил Игорь в этой забавной манере гипноза, которой Вадик владел в совершенстве. Наверное, не зря бригадир Николай Викторович сразу распознал в нём личность, опасную для женщин, и за глаза называл молодым хищником.

Приехав на Север, Уткин привёз с собой несколько книг: самоучитель английского языка, пару книг по теории шахмат и шахматы. Книги лежали потом месяцами на видном месте на его прикроватной тумбочке, но Игорь ни разу не видел, чтобы сосед раскрывал их. В шахматы же первое время они играли каждый вечер, иногда Игорь даже выигрывал – наверное потому, что противник уставал от его привычки подолгу думать над каждым ходом.

Любой разговор командированных мужчин, оказавшихся вечером один на один в гостиничном номере, заканчивается разговором о женщинах – это наблюдение Игорь сделал уже в первые месяцы своей кочевой жизни. Рано или поздно бывшие студенты также должны были придти к этой теме. И вот, о какой бы симпатичной девушке из курса ни вспомнил Игорь, все

они оказывались Вадику тоже известными, а некоторые, оказывается, были даже его интимными знакомыми.

– Сапожкова? Да, пару раз переспал с ней. Ничего бабец, правда? Тюфаева? Хм, с этой ещё интереснее получилось. Колбасьев... Помнишь Колбасьева? На пятом курсе они с Тюфайевой уже как муж и жена жили, вот-вот свадьба должна была состояться...

Вадик полусидел-полулежал поперёк кровати в обычной своей позе, вытянув перед собой длинные ноги, и, борясь с послеобеденными отрывками, продолжал свой рассказ:

– Я был у него на даче, до свадьбы у них оставалось что-то около недели. Вечером пошли с ней пройтись, тут её и прорвало: начала мне в любви объясняться. Аж до истерики дошла: «Не люблю его, вот обручальное кольцо, хочешь – выброшу?» И снимает кольцо с пальца. Я думал, это она так, пугает только, а она, действительно, зашвырнула кольцо в снег. Пришлось потом долго его искать, насилиу нашли. Такая дурёха, особенно когда выпьет. Колбасьев показывал мне одну фотографию: она там голая, на диване с бокалом вина позирует...

Игорь слушал, качал, посмеиваясь, головой: вот, мол, чем вы занимались в институте, – когда же вы учились! На самом деле, он в этот момент был полон самой постыдной, самой отвратительной зависти, от неё даже болела душа – у него-то ничего такого в студенческие годы не было. Да, он завидовал, чего греха таить, завидовал, но верил лишь половине того, о чём рассказывалось. Что было в этом человеке такого, на что могли «клевать» красивые бабы! Ну рост, голубые глаза, зубы. Но запах изо рта и привычка говорить, словно проволоку изо рта тянет! К этому, маленький, слабый подбородок, из-за которого голова напоминала знаменитую редьку хвостом кверху. Всё так – и ведь «клевали» же! Не всё было враньём, были, действительно, были такие, которые – сам видел! – приходили к нему, подолгу разговаривали и просиживали рядом с ним на лекциях. Те самые, которые при попытке Игоря познакомиться и сойтись с ними поближе, почти тотчас «отшивали» его.

Ещё в полёте Игорь рассказал Уткину о том, что познакомился с Людмилой, и в нескольких словах рассказал об их первой и единственной пока встрече. «Не надо было говорить об одиночестве», – заметил Вадик. «Но если это самая важная правда обо мне!» – возразил Игорь неуверенно. «Не надо правды», – улыбнулся Вадик жалостно-снисходительно.

Уткин должен был вскоре жениться, будущая жена писала ему довольно часто. Гуляя вместе по городу, Вадик и Игорь, заходили порой на почту, спрашивали письма до востребования – Уткину подавали, как правило, письмо или два. Игорь на его месте тут же нетерпеливо вскрыл бы конверт и прочитал письмо, а Уткин, не торопясь открыть и прочесть, улыбаясь, холодной рукой отправлял письма в карман, демонстрируя на глазах у товарища то ли завидную выдержку, то ли холодную же пресыщенность успехом у женщин. Он и здесь на Севере пользовался успехом у известной их части.

Одним субботним вечером Вадик и Игорь сидели вдвоём в ресторане, когда к ним подсади две местные. Одна, постарше, она работала посудомойкой в кафе «Волна», с грубым, простоватым лицом и мощным торсом, сидевшая напротив Вадика и ставшая объектом его знаменитого гипноза, также не сводила с него глаз.

– Красивые губы. Такие губы хорошо целовать, – объяснила она молодой соседке свой интерес и облизнулась плотоядно.

Контакт был установлен, интерес был взаимный – Вадику срочно потребовалась койка в одноместном номере. Удалось уговорить одного сослуживца уступить ему на одну ночь свой номер, тот потребовал только сменить постельное бельё. Игорь встретил Вадика на лестничной площадке в тот момент, когда тот скрытно от администрации гостиницы переносил простыни и наволочки с одного этажа на другой, и по-дружески, сочувственно ему улыбнулся – ответом был холодный, почти враждебный взгляд, взгляд хищника, занятого преследованием своей добычи. Рано утром Уткин вернулся в их общий номер усталый и, ложась отсыпаться, сообщил Игорю, что отблагодарил «даму» десятью рублями. Через несколько дней от общего

их знакомого Игорь услышал о другой цифре, пять рублей, – он промолчал, не стал выдавать товарища и ловить его на мелком вранье.

Первые месяцы неразлучные, позже они охладели друг к другу, у Вадика появился свой круг общения.

5

– Остаток этой командировки и следующую будешь работать на Лумберском маяке, – объявил Игорю бригадир.

– Профилактика?

– Да. И частичная замена оборудования. Работы немного, но связь с Большой землёй плохая – придётся поскучать. Как обычно, – прибавил он доверительно, положив пухлую ладонь Игорю на плечо, – справишься с работой раньше – неделя отгула за мной.

Бригадир Николай Викторович был толстый жизнерадостный человек. Он был уже давно разведён и только недавно перестал платить алименты – отметил это событие как большой праздник. Иногда он заходил в гостиницу проведать подчинённых. «Неважно вы живёте», – говорил он, имея в виду гостиничные, казённые условия проживания и естественное отсутствие домашних удобств. Сам он жил не в гостинице, а на квартире. Игорь знал его хозяйку: Раиса работала в гостинице дежурной по этажу. Старообразная, с поблекшим лицом женщина, она, когда у неё появился квартирант, стала подкрашивать губы и повязывать голову пёстрым шёлковым платочком. В её отношении к молодым членам бригады, проживавшим в гостинице, с этих же пор стали заметны назойливые, назидательно-воспитательные нотки. Бригадир, впрочем, откровенно похвалялся, что имеет «крышу» также и в других северных городках и посёлках, где приходилось трудиться его бригаде, и наставлял молодёжь бригады почти по-отечески: «Впереди долгая полярная ночь, так что устраивайтесь поудобнее, ищите тепла, лучше всего семейного».

– Съезди сначала дней на десять, – продолжал Николай Викторович, – посмотри что к чему и быстро возвращайся. Посмотрим потом, какими силами и в какие сроки сможем выполнить работу.

Бригадир и товарищи по бригаде сочувствовали Игорю, отправлявшемуся на край света, а он рад был отъезду: ему казалось, что он уж слишком обращает на себя внимание жителей городка своими одинокими вечерними прогулками на почту.

Вечером, накануне дня отплытия на маяк Игорь пошёл в ресторан при гостинице, уселся за столик, с которого хорошо были видны зал и танцевальная площадка. К обычному своему, довольно скромному рациону заказал двести граммов водки. К большему не привык и не хотелось, а расчёт был таким общепринятым способом несколько поднять настроение. Собственно, он был уже не здесь, уже в пути. Спешить ему было некуда, он сидел, потихоньку принимал в себя алкоголь, равнодушным взглядом смотрел в зал. Видно, алкоголя этого было всё-таки недостаточно, настроение оставалось всё равно скверным, таким же, как до него, даже хуже: впервые он пил водку в одиночестве – неудобно было перед официантками, которые, конечно, хорошо знали его привычки.

День был будний, но часам к девяти вечера свободных столиков уже не было. Около этого времени к Игорю подошёл прилично одетый седовласый мужчина. У него был узкий, необычной формы покатый лоб, седой ёжик волос, маленькие, несколько выцветшие голубые глазки и смуглое каким-то нездешним загаром лицо.

– Не возражаете? – спросил он.

Игорь жестом пригласил его сесть.

– В командировке? – спросил мужчина.

Игорь кивнул.

– Я встречал вас в городе.

Игорь тоже много раз видел мужчину. Он уже где-то выпил, но подозвал официантку Валу и, обняв её по-свойски за талию, заказал бутылку водки и закуску.

– У меня сегодня мрачный юбилей, – объяснил он Игорю, – но я не буду вам мешать.

В ресторане было шумно и весело, гости развлекались, как умели. Мужчина смотрел на это веселье отсутствующим взглядом. Официантка принесла соседу заказ.

– И больше не проси, – сказала она, уходя, – тебе и этого уже много.

– Сегодня ж год! – с мягкой укоризной в голосе ей вдогонку возразил мужчина.

– Ах, Лёшенька, извини! – Валя вернулась и, положив руки ему на плечи, сочувственно вздохнула. – Да-да, бедная Маша! Ну сиди, сиди.

– Может, выпьешь со мной, помянешь? – спросил у неё мужчина.

– Извини, Лёшенька, не могу – я ж на работе.

Мужчина кивнул, и Валя ушла. Он налил себе рюмку водки и выпил, не закусывая.

– Я смотрю, вы тоже не веселы, – обратился он к Игорю. – Не пишут?

– Вроде того.

– Письма из дому – это у командированных главная радость. Женаты?

– Нет.

– Подружка не пишет?

– Да, если так можно выразиться. – Игорь покраснел и смешался. – Теперь вы всё обо мне знаете.

– Положим, не всё – всё даже вы не знаете, но кое-что. Я ведь сам долго ездил, пока не осел здесь. Женщину я здесь нашёл, женился на ней, прожил семь лет, а сегодня год, как её не стало...

Зажав в кулаке полную рюмку, мужчина напряжённо смотрел на неё, словно силился разглядеть что-то сквозь прозрачный напиток. Игорь подумал, что ещё немного и он раздавит хрупкое стекло, но тот одним глотком опустошил рюмку, крикнул то ли от горечи напитка, то ли от боли утраты, подцепил вилкой кружок солёного огурца с тарелки и отправил его в рот.

– Вот так! Да, семь лет, семь лет, ни больше, ни меньше было нам отпущено, а кажется, вся её жизнь прошла на моих глазах: встретился с девчонкой – простился со зрелой женщиной. Да и для меня это была целая жизнь: не было бы их, этих семи лет с ней, пустая была бы моя жизнь, пустая как есть. Прожил бы и такую, ничего страшного не случилось бы. Сейчас, вот, страшно подумать об этом. – Мужчина наполнил свою рюмку. – Не надоел я вам? Вы ведь в ресторан не за тем пришли, чтоб выслушивать такие истории.

– Нет-нет, что вы, говорите, – возразил Игорь.

– Хотя где и поговорить, как не здесь.

– Говорите, – повторил Игорь. – И я вам скажу, откровенность за откровенность. Завтра в полдень я уплываю на Лумберский маяк, работать там буду. Все у нас думают, что я должен быть огорчён этим: сообщение плохое, край света, так сказать... А я хочу туда, на край. Я думаю, мне хорошо там будет, легче. Мне, вообще говоря, везде хорошо, потому что... Потому что везде плохо. Парадокс. Понимаете?

– Ещё как понимаю! Я знаю это настроение, – задумчиво сказал мужчина. – Женщину вам нужно, без женщины здесь пропадёшь. Без женщины везде плохо, а с женщиной везде хорошо. Простая истина. – Он взялся за рюмку. – Давайте за знакомство. Алексей меня зовут, и за женщин, за семью.

Игорь тоже назвал себя. Они выпили.

– Да, признаться, хочется уже семью, своего угла, детей, – сказал Игорь.

– Это же естественно! Через женщину жизнь найдёшь, только через женщину, через жену. – Алексей тяжело вздохнул. – Носился перекасти-полем по свету и жизни не видел, а она меня к земле притянула – через неё пил силу земли, вкушал радость бытия. Вы мне простите высокий слог, я ведь журналист, газетчик, в местной газете работаю. Но она стоит этих слов. –

Он вытер кулаком слёзы, стоявшие в глазах. – Вначале-то было трудно, всё тянуло куда-то. И сколько раз хотелось тогда кричать ей: держи меня! замани, приворожи, обвей, оплети и держи! ты ведь женщина, ты всё можешь. Но я не вполне себе доверяю, если мне чего-то очень хочется. И тогда вначале я и не думал относиться всерьёз к нашим отношениям, к тому, что с моей проклятой кочевой жизнью покончено навсегда. Но увидел, что относится всерьёз она, и так это было ново и хорошо, что не посмел ей перечить, – ведь она спасала меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.